

ГОРИЗОНТЫ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Роман ПАЛЕЕВ

доктор юридических наук, доцент.

Российская академия адвокатуры и нотариата.

105120, Российская Федерация, Москва, ул. Малый

Полуярославский, д. 3/5;

e-mail: okspaleeva@gmail.com

ЦЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируется образ экономического человека, который представлен в работе немецкого философа и педагога Эдуарда Шпрангера. Исследователь пытается определить человека этого типа через господствующую для него ценностную установку. Шпрангер описывает различные духовные установки, лежащие в основе того или иного образа жизни. В деятельности конкретного человека преобладает, как правило, одна из этих установок. Выделяя основные ценности, на которые ориентируется человек в своём поведении и которые в конечном счёте предопределяют его, Шпрангер не учёл, на наш взгляд, что в каждой из этих сфер нередко оказываются люди с прямо противоположными психическими качествами и особенностями. Его замысел был связан с тем, чтобы уловить многообразие духовной жизни людей. Но что можно взять в качестве измерителя разнообразных состояний человека, его индивидуальных побуждений? По мнению Шпрангера, в фундаменте различных характеров лежит понятие «ценности».

Излагая основы философии духа, Шпрангер особо отмечает, какие святыни определяют жизнь того или иного человека. В культуре, по словам Э. Шпрангера, осуществляется специфический род ценностей. Следовательно, в основе характера лежит та или иная ценностная установка. Однако можно ли раскрыть психологическую сущность человека, ориентируясь на его преобладающие ценности? Представляется, что такая задача весьма затруднительна. Дело в том, что каждый человек имеет множество ценностей. Если же предполо-

жить, что одна из них оказывается доминантной, захватывает едва ли не весь духовный мир личности, то всё равно стянуть человеческую субъективность к одной святыне не так-то просто.

Ключевые слова: человек, личность, характер, типология, психика, сфера духа, формы жизни, поведение, разум, аффекты

Принцип пользы

Экономический человек ставит на первое место ценность полезности. Теоретический человек добивается истины. Экономический – размышляет о том, как эту истину утилизировать. Он должен неплохо разбираться в хозяйственной ценности вещей, иначе говоря, иметь хозяйственный рассудок. Однако этого недостаточно. Экономический персонаж обязан ориентироваться в хозяйственной сущности человека. У него есть интерес к другим людям, но его можно охарактеризовать как интерес чистой полезности. Для людей такого типа хозяйственная ценность воспринимается как высшая ценность. «Мотивы экономического человека отличаются от мотивов теоретического человека тем, что решающее значение имеют для него не логические ценности порядка, а ценности полезности» [18, с. 139].

Итак, необычность экономического человека Э. Шпрангер видит в установке полезности. «Польза – ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к чьим-то интересам. В более строгом смысле польза – характеристика средств, достаточных для достижения заданной цели» [1, с. 277]. Между тем полезность как понятие требует более основательной расшифровки. Проследуем за мыслью Шпрангера. Не вызывают возражения его общие рассуждения об удовлетворении человеческих потребностей, о приспособлении целесообразной деятельности общим условиям.

Э. Шпрангер отмечает, что человек вплетён во взаимосвязь природы. Сохранение его жизни зависит от веществ и сил природы, пригодных для удовлетворения его потребностей. Эти потребности не представляют собой чего-то постоянного, но возрастают с ростом уровня жизни. Они нарастают ещё и в течение некоторого времени после того, как будут удовлетворены самые насущные из них, и прекращаются только с совершенным перенасыщением, которое, однако же, практически никогда не достигается. Свойство материальных благ, в силу которого они способны удовлетворять потребности, находящиеся в пределах сохранения жизни и её физического поддержания, мы называем их полезностью. Следовательно, полезное имеет прежде всего характер физического средства для удовлетворения потребности. В качестве цели, которую мы здесь подробнее не обсуждаем, в конце процесса стоит сохранение жизни благодаря требуемому в данном случае приспособ-

лению к данным или достижимым при помощи целесообразной деятельности условиям. Ценностное качество этой цели представляется в переживании не только в чувствах «приятно и неприятно», но и в виде более высокой духовной ступени «полезно и вредно». Но то, что приносит пользу или вред, мы измеряем прежде всего по ценности одного только самосохранения биологического состава жизни и по тем влечениям, которые регулируют удовлетворение потребностей.

Хозяйственная жизнь, безусловно, нацелена на полезность. Однако она может быть и вредоносной. Американский историк Ю. Харари, к примеру, даёт развёрнутую оценку так называемой аграрной революции. 2,5 миллиона лет люди кормились, собирая растения и охотясь на животных, которые размножались без участия человека. Всё изменилось около 10 тысяч лет назад, когда сапиенсы всерьёз, не жалея времени и сил, занялись немногими видами растений и животных [17, с. 97].

«Несовпадение эволюционного успеха и личного благополучия – пожалуй, важнейший урок, какой мы можем извлечь из аграрной революции. Если для растений – пшеницы, кукурузы – это эволюционный прорыв и можно считать благом, то применительно к животным, таким как коровы, овцы, сапиенсы, наделённым комплексом чувств и переживаний, дело обстоит сложнее» [17, с. 118].

Э. Шпрангер отчасти учитывает те факторы, которые мешают реализации принципа полезности. Полезность, пишет он, относится в общем к благам, состоящим в физических веществах или силах. Однако даже и чисто духовные действия всегда бывают опосредованы физическими формами объективации. Например, живописное полотно состоит из дерева, холста, красок; для его изготовления требуется известная «техника» руки и «техника» раскрашивания. Книга, средство материального размножения некоторого научного достижения, входит в состав процесса хозяйственного производства с самых различных сторон, например уже как вещественный товар. Речь, даже самого духовного содержания, завершается всё же физическим утомлением оратора и слушателей, если оратор не будет соблюдать известную экономию времени и сил. Одним словом, и духовное также встроено в физическую и физиологическую взаимосвязь сил; в его основе лежит некоторая техника, и с этой своей материальной стороны оно принадлежит к сфере хозяйственных ценностей и меновых товаров. Следовательно, полезное также может состоять на службе реализации тех не-реальных миров предметности: идеального, имагинативного и трансцендентного мира. А потому духовный труд тоже может подлежать измерению его хозяйственной ценности. Например, он расходует физические силы, время и материал. Напротив, внутренняя ценность некоторого познания, произведения искусства, религиозного откровения в хозяйственном отношении несоизмерима. Их ценность не может быть выражена в единицах самосохранения. В хозяйственном рассмотрении они относятся к числу предметов роскоши,

которые при благоприятной хозяйственной конъюнктуре – в весьма высокой цене, а при неблагоприятной их цена падает почти до нуля. Так объясняется неизменная трудность всех эпох культуры: как сделать духовное в узком смысле слова измеримым в экономическом отношении.

В дальнейшем, однако, речь пойдёт только о той экономии, которая протекает в сфере поддерживающих человеческую жизнь вещественных благ или природных сил. А этих благ в распоряжении человека имеется не безграничное множество, он даже не располагает ими в необходимом минимальном размере. Следовательно, нужна рациональная, т. е. сознательно целенаправленная деятельность, которая будет доставлять их в пространственном смысле или преобразовывать их, пользуясь для этого известной закономерностью природы. Эта расходуемая работу деятельность называется трудом, и она является хозяйственной только в том случае, если в конечном результате (даже если экономический процесс простирается на целые поколения) прибыль силы превышает убыток силы.

Уже отсюда следует, что хозяйственный человек встретится нам в двух весьма различных своих видах: как производитель (*Erzeuger*) и как потребитель (*Verbraucher*). Правда, то и другое суть только обозначения а priori. Ибо каждый человек необходимо является одновременно и тем, и другим: работником и пользователем. Какая из этих натур возьмёт в нём верх, зависит от положения в его хозяйственном окружении и от состояния его потребностей; о влиянии, которое оказывает на это обстоятельство его духовная структура, речь пойдёт только тогда, когда мы обратимся к разговору о дифференциациях хозяйственного типа.

Если потребности человека весьма скромны или если его окружает достаточная для его особенных потребностей и доступная ему масса товаров, то его хозяйственная деятельность вполне может почти совершенно ограничиться потреблением. Тогда он есть в существенном пользователь (*Genießer*), хотя ему по-прежнему приходится подносить ко рту бокал и краюшку, а значит, выполнять некий минимум рекламной работы. Более рельефно хозяйственный процесс предстаёт в том человеке, который занят производством в каком-либо направлении, чтобы иметь возможность потреблять в этом или в другом направлении. Ибо в нём отчётливо выступает баланс между пользой и убытком полезности. Однако также и у него фон всего поведения составляет стремление освободиться от непрерывного давления потребностей.

Мы неверно понимаем всю психологию хозяйства, если не видим, что его движущей силой является именно эта тоска по свободе действия, и если не знаем, что потребности человека, если его предоставить свободному влиянию его хозяйственного мотива, не прекращаются на определённой средней точке, но продолжают расти ещё и дальше этого данного состояния их удовлетворения. После работ Шпрангера эта мысль о неуклонном хозяйственном росте и преобразении человеческих потребностей получила более развёрнутую трактовку.

Э. Шпрангер отмечал, что в хозяйственном стремлении, хотя оно и замкнуто в пределах природы, заключается всё же нечто бесконечное, вновь и вновь себя создающее. С одной стороны, в этом можно видеть безнадежный круговорот вечно неудовлетворённого старания. Но, с другой стороны, в этом заключается огромный импульс, благодаря которому хозяйство и техника перерастают уровень изолированного индивидуума и становятся объективными, исполненными духа формациями.

Гносеология прагматизма

Знание подчинено для односторонне-экономического человеческого типа прежде всего соображению о цели. В то время как теоретик ищет истину ради неё самой, тот тип человека, о котором мы говорим сейчас, всегда задаёт вопрос о её утилизируемости (*Verwertbarkeit*) и применимости. Он понимает слова Гёте: «В чём пользы нет, то тягостно вдвойне» [5], – в узкоутилитарном смысле. Свободное от цели знание превращается для него в балласт. Шпрангер подчёркивает, что экономический человек ищет только таких познаний, которые приносят пользу; и, не заботясь об их чисто предметной взаимосвязи, он комбинирует их в таком порядке, в каком они используются в применении. Тем самым мы получаем тип технического знания, ибо это знание всякий раз организует некоторая практическая цель. Из этого духа родилась гносеология прагматизма, которая не признаёт никаких самобытных законов познания, но прямо отождествляет истину и ложность с биологической полезностью и вредностью. Согласно ей, истина есть, собственно, только отражение на теоретическом акте его практического подтверждения. Для этого рода оценки науки характерна, скажем, педагогика Спенсера, которая начинает с того, что выстраивает в ряд все виды знаний, смотря по той степени, в какой все они содействуют самосохранению знающего (и, в крайнем случае, сохранению рода).

Если же и ценность теоретического представляется здесь зависящей от полезной ценности, то в экономические способы поведения теоретическое бывает многообразно вплетено в качестве служебного духовного акта. Человек живёт на такой ступени, на которой его самосохранение уже более не регулируется только одними инстинктами. Вся его борьба за существование получает поддержку в знании о природе вещей и о причинно-закономерных взаимосвязях между ними. Знание о том, что полезно, становится всё более значительным фрагментом свободного от целесообразности знания. Чем более сложными становятся методы хозяйства, тем больше интеллектуальных ресурсов оно требует от человека. Он должен знать не только хозяйственную ценность вещей, но

также и хозяйственную сущность человека¹. Тэйлоризм – вот высшая точка этого одностороннего изучения человека, спрашивающего только об экономической пригодности. И, собственно говоря, не существует даже (в соответствии с выдвинутым нами самым общим положением) вообще ничего, что не имело бы совсем никакого хозяйственного значения, – ни одного отрезка пространства и времени, ни одного духовного продукта, ни одной черты человеческого характера. Экономический человек должен поэтому иметь, так сказать, экономический рассудок. Если на более простых стадиях развития полагали обойтись при этом средствами здравого смысла, то на более высокоразвитых стадиях этого далеко недостаточно. Идеальной целью экономического человека был бы рационализм хозяйства, превращение всего процесса жизни в один всеобъемлющий расчёт, в котором не остаётся уже неизвестным ни один фактор.

Границы познания всегда означают также границы хозяйственного мира. С другой стороны, никакая «дальновидность» не может совершенно устранить иррациональность природных положений уже и потому только, что невозможно заранее рассчитать неповторимые обстоятельства будущего. И вот, в этой точке, где находит себе границы интеллектуальный ресурс экономического человека и где кончается предсказуемое и рационализируемое, в нём должно вступить в действие другое свойство, уже не чисто интеллектуальное, но в то же время родственное фантазии или вере, – отвага (*Wagemut*). Как бы ни было хорошо рассчитано хозяйственное поведение человека, но для тех факторов, на которых основывается расчёт, всегда недостаёт некоторых данных: здесь начинается риск, на который или решаются с подсказки фантазии, или же этот риск поддерживается твёрдой верой в «удачу». Тем самым мы затрагиваем, следовательно, область эстетического и религиозного.

Эстетическое как таковое отличается тем, что оно имеет психическую ценность переживания, но не имеет ценности полезного². Две эти области решительно противоположны одна другой. Полезное, как правило, бывает прямо-таки врагом прекрасного. Под действием хозяйственных мотивов разрушают пейзажи, уничтожают произведения искусства, губят счастливые настроения души. Кажется, будто для того и другого на одной Земле нет места рядом. И так же точно – в одной душе. Кто стремится к внутренней красоте, к гармонии своего существа, тому непозволительно ввязываться в борьбу за существование, которая

¹ Доходит до того, что начинают практиковать искусство пробуждения новых потребностей, вместо того чтобы удовлетворять только должным образом уже существующие потребности. В последнее время психология рекламы развилась в самостоятельную отрасль науки.

² Говоря это, мы не хотим оспаривать, что у эстетического и биологически-полезного есть некоторые общие корни, из которых они вместе развиваются.

всегда будет развивать его силы в одностороннем направлении. Если эстетически значимое вообще рассматривают с экономической точки зрения, то оно подпадает под понятие роскоши (*Luxus*)³. Правда, товары, которые поначалу относились к предметам роскоши, могут стать всё же, вследствие утончения потребностей, хозяйственно-необходимыми товарами. Человеку на более высокой стадии его развития неотъемлемо присуща известная художественная потребность (*Kunstbedurfnis*).

Фантазия также требует в нём для себя возбуждения и удовлетворения, особенно если в своей профессии он подчинён принуждению, исходящему от разделения труда. А таким образом эстетическое одним своим краешком проникает также и в область экономического. В общественно-экономической жизни эстетическое оснащение имущества служит даже повышающей уровень доверия к владельцу демонстрацией того, что мы вышли из тесной сферы простого удовлетворения потребностей и уже можем позволить себе некоторое пространство роскоши. Так объясняется меценатство иных натур, неоспоримо принадлежащих в остальном к экономическому человеческому типу. Они используют искусство как общественно-экономическое средство; о каком-либо внутреннем отношении к нему совершенно не идёт речи. Наконец, известное соприкосновение эстетического с хозяйственной сферой заключается, кажется, также и в том, что редкие товары, имеющие эстетическое значение (такие, как золото и серебро), или тем более товары, имеющиеся только в одном экземпляре (как индивидуально оформленное изделие художественного ремесла), имеют в обращении особенно высокую ценность. Правда, и это попадает в таком случае в категорию роскоши. Золотая валюта – это всегда симптом роскоши.

Обратимся теперь к общественной области. Чисто экономический человек эгоистичен: сохранение его жизни составляет для него первоочередную цель. Следовательно, всякий другой человек естественным образом дальше от него, чем его собственное Эго. Добровольный отказ от имущества ради другого всегда бывает неэкономическим. Только эгоизм и мутуализм представляют собой первично-экономические формы общественной установки. Альтруизм как принцип отречения в пользу другого в сфере материальных благ – неэкономичный принцип. Поэтому там, где он появляется, он должен происходить не из чисто экономических, а из иных мотивов. Заботливому поведению (*Karitatives Verhalten*) нет места в замкнутой системе хозяйства. Интерес, который проявляет к своим ближним экономический человек, – это интерес чи-

³ О роскоши мы говорим в двух значениях, роскошь есть: 1) изготовление и потребление избытка товаров, превышающего чисто хозяйственные потребности; 2) роскошью может быть названо всё то в остальных ценностных областях, особенно в эстетической области, что не является непосредственно полезным. В обоих случаях речь идёт о категории, свойственной хозяйственному способу измерения ценности.

стой полезности. Он как бы видит их только с той их стороны, которой они обращены к хозяйственной жизни, а значит, как производителей, потребителей и готовых к обмену субъектов. Он пользуется их помощью; но и это взаимодействие подчинено для него тому соображению, чтобы отсюда происходил для него некоторый положительный баланс, некоторый «плюс». Это поведение может доходить до степени экономической эксплуатации, которая, если рассматривать её с точки зрения чистой рентабельности, в экономическом смысле совершенно последовательна⁴. В экономическом расчёте участвуют также и моральные качества другого человека.

Характеристика экономического человека только в критериях прагматики, которой придерживается Шпрангер, отличается односторонностью. Характеризуя протестантский этос, М.Н. Эпштейн пишет: «Прежние системы хозяйства построены на потреблении того, что производилось, на некоем балансе вложения и отдачи. Подход к хозяйству был утилитарный: рабовладелец получал от рабов, а феодал от своих крестьян и вассалов всё, что ему нужно было для роскошной жизни. Капитализм стал производить для расширения самого производства. Баланс уступил место авансу: капитализм – это искусство вложения средств, гениальная растрата. Раньше практические люди были заняты в основном извлечением средств себе на пользу и в удовольствие, а капитализм стал их влагать, разбрасывать, тратить, как в бурной любовной среде» [19].

Агенты предпринимательства участвуют в хозяйственном процессе опять-таки лишь постольку, поскольку имеют хозяйственное значение, а значит, экономность, трудолюбие, ловкость, любовь к порядку, надёжность характера, профессионально-хозяйственную дельность. Человек, обладающий такими качествами, заслуживает, например, доверия. То, что речь здесь идёт о моральном заострении экономических в сущности качеств человека, подтверждает обыкновенное в коммерческом обороте выражение: «Это – хороший человек».

Обратите внимание на то, как коммерсанты организуют общение друг с другом, пишет Шпрангер. В экономические отношения людей вступают все формы оказания чести, любезности, участия; они служат как бы средствами привлечения клиента. Однако подобные связи людей, если это типически чистые связи, сохраняются не дольше, чем сохраняется коммерческий интерес. Там, где господствуют чисто эко-

⁴ Принцип «человеческой экономии» как этико-политический критерий был введён в социологию Рудольфом Гольдшайдом. В политике, конечно же, есть такого рода соображения. Следовало бы, однако, избегать использования этого слова там, где на первом плане действительно стоят «социальные» цели. Ибо в контексте экономической науки человек всегда может рассматриваться только как экономическое средство или как субъект экономических ценностей. В расположенные выше ценностные контексты этот принцип нас не выводит.

номические соображения, человек всегда необходимо и естественно опускается до значения простого средства, оцениваемого по его рабочей силе, финансовой силе, покупательной способности⁵. Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что существует и подлинная деловая дружба, действительная общность интересов. Ибо ведь хозяйствующий субъект не обязательно есть всегда только отдельный человек, но часто это бывает и собирательный субъект: семья, два или больше акционеров, торговая компания, народ или группа людей. Но в этих собирательных субъектах действует в таком случае такой же хозяйственный эгоизм, как и в индивиде. Здесь только расширяется его основание. Конечно, соответствующие общности имеют сами по себе иную, не чисто хозяйственную структуру, однако они действуют как собирательные единства опять-таки только в смысле хозяйственного эгоизма.

Богатство – это власть

Экономический человек обретает прежде всего власть над природой, её веществами, силами, пространствами и над техническими средствами её освоения. Но тем самым он получает в то же время господство над людьми. И это господство, если перед нами чистый хозяйственный тип, имеет опять-таки выраженно экономический характер. Желание иметь больше другого – вот направление воли, которое само собою вновь и вновь образуется в общественном хозяйстве. Таким образом, стремление к хозяйственной власти проявляется в форме конкуренции; она начинает господствовать с самых простых стадий развития и может быть искоренена только с истреблением самого хозяйственного мотива. Власть денег основана на присущей им силе мотивировать людей; следовательно, эта власть опять-таки предполагает природы с экономическим направлением духа. И, как будто бы люди старались уже с самого начала признать это обстоятельство, деньги сегодня приносят авторитет только тогда, когда мы не сами их заработали и не участвовали в их приобретении ни старанием, ни умом.

Между тем в основе всего сказанного лежит предположение, уже не имеющее чисто экономического характера, а именно – действительность некоторого правопорядка, устанавливающего частную собственность. Идея естественного права, согласно которой всякое право собственности основано в конечном счёте на собственном труде, бы-

⁵ В. Зомбарт писал, что человек «принимается в соображение только как рабочая сила, а природа – только как средство производства», тогда вся жизнь оказывается одной-единственной большой сделкой. Однако это касается не только капиталиста, но всякого чисто хозяйственного человека. И, наоборот, в капитализме как историческом хозяйственном явлении нередко бывают задействованы также и иные мотивы.

ла бы осуществима со всей строгостью только при условии, если бы в соответствующей хозяйственной системе не существовало никакого частного наследственного права (что опять-таки неосуществимо по хозяйственно-техническим соображениям). Сама эта идея также неполна, ибо обработанное превращается в «имущество», только если, как это правильно понимал Фихте, надындивидуальная общественная воля признаёт это право собственности, исключая из него всех остальных претендентов.

Экономический человек особенно заинтересован в существовании подобного правопорядка. Частная собственность родилась из хозяйственных мотивов и является только правовым признанием того, что живёт уже в изолированном экономическом эгоизме. Поэтому там, где экономический тип человека действует как творец права, там правопорядок урегулирует прежде всего хозяйственные притязания. Всё право предстаёт тогда только как общественно-нормирующая форма, в которую помещено хозяйство как материя общественной жизни. Конечно, такое понимание очень узко; оно так же абстрактно, как и сам тот тип, о котором здесь идёт речь. Ему соответствовало бы, далее, чисто экономическое понимание государства. «Государство и в самом деле кажется многим людям не чем иным, как простой надындивидуальной организацией хозяйственной жизни, своего рода производственным кооперативом, или торговой компанией, или акционерным обществом более высокого порядка. Мы не имеем здесь права высказывать своё отношение к этому взгляду с нормативной точки зрения, но должны довольствоваться тем наблюдением, что это отношение к вопросам власти происходит опять-таки из чисто экономического типа человека. Этот же самый тип оценивал бы также и общественную ценность человеческих профессий по уровню их доходности, как и вообще профессия и доход суть для него совершенно тождественные понятия» [18, с. 138].

Поэтому не может быть ничего удивительного в том, что не только оценка людей, но и оценка всего мира подчиняется здесь экономическим соображениям. Для людей этого рода хозяйственная ценность сама уже представляет собою высшую ценность. Следовательно, в их религиозности им вовсе нет никакой необходимости соотносить её с другим, превышающим её смыслом, но нужно только полагать её в её тотальности, т. е. как мирообъемлющую ценность. Тогда Бог предстаёт господином всех богатств, подателем всех полезных даров. Во всякой религии, которая намеревается дать истолкование смысла жизни, заключается, конечно, подобный момент; ибо никакая жизнь не была бы мыслима без насущного хлеба, и самые глубокие тайны мира начинаются, кажется, именно с этой тайны хлеба и его животворящей силы. Однако можно представить себе также такую религиозность, которая возникает из чисто экономического духовного склада. Тогда особый стиль хозяйства отражается, конечно, также и в хозяйственно-религиозных

воззрениях и формах культа. Бог пастушеского народа выглядит иначе, чем бог народа земледельцев, а бог торговцев – опять-таки иначе, чем бог горняков. Если останется только жажда денег, невзирая на способ их приобретения, то верховным богом становится мамона. В религиозно-суеверных представлениях биржевых игроков господствует своеобразное понятие о судьбе и удаче. Они втайне поклоняются власти, которая, по их понятиям, стоит во главе великой мировой лотереи. Макс Вебер и Трёлч обстоятельно исследовали историческую взаимосвязь хозяйства и религии. Следовало бы стараться по мере возможности различать, какие религиозные формы определённо являются экономически обусловленными, и наоборот, какие экономические способы поведения (*Verhaltensweisen*) обусловлены религиозно-этическими воззрениями, уже существовавшими прежде независимо от хозяйственной области⁶.

Вполне отделить друг от друга доли участия этих двух факторов в тесном духовном взаимодействии едва ли возможно. Если, скажем, человек рассматривает своё хозяйственное процветание как свидетельство божественной благодати или если он стремится к хозяйственному успеху, чтобы представить зримое доказательство этой благодати, – это уже не относится в полной мере к ценностному критерию экономического типа. Ибо здесь мотив обладания Божией благодатью стоит всё-таки, кажется, выше хозяйственного мотива. К интересующей нас взаимосвязи относится, собственно говоря, только обожествление полезного как такового, рождение богов из сферы хозяйственных интересов – боги как дарователи, как хранители пастбищ, как водители кораблей, как подаватели солнца и дождя, – короче, всех благоприятных даров, не столько обогащающих внутреннюю жизнь человека, сколько идущих на пользу его земной вождевающей части. И нет сомнения в том, что анализ хотя бы только первобытных религий даст нам множество таких символов, истоки которых лежат в области страха и надежды, желанья и жажды жизни, в области психологии труда и наслаждения.

Рациональность экономического человека

Мотивы экономического человека отличаются от мотивов теоретического человека тем, что решающее значение имеют для него не логические ценности порядка, а ценности полезности. Полезное не есть синоним приятного, ибо это последнее означает минутный эмоциональный эффект, переживаемый с удовольствием, даже если из более широкой

⁶ Эту необходимость подчёркивает и Макс Вебер. Он со своей стороны исследует преимущественно функциональные отношения между структурой общества и религиозностью. Эта взаимосвязь вводит нас в область исторических типов, а потому затрагивает более сложные по составу явления, нежели те, которыми мы занимаемся здесь.

временной перспективы он оказывается вредным. Полезное же всегда имеет предпосылкой известную степень теоретического познания предметных и психологических условий жизни. Поэтому суждение о полезности и бесполезности опирается на рациональный фундамент. Даже такой закон экономического поведения, как принцип наименьшей затраты сил, представляет собою «рациональность под покровом». Несмотря на это, для формирования мотивов экономического человека теоретические моменты не являются решающими. Скорее, эта мотивировка возникает из той специфической формы, в которой люди стремятся к ценностям полезного и переживают их: из потребности и удовлетворения. Итак, поведение экономического человека определяется мотивом удовлетворения потребностей. Причём эта детерминация может выступать в двух внешне весьма различных формах: есть полезные товары или способы поведения, которые, по самому характеру человеческой жизни, используются всегда, и есть такие целесообразные связи, которые происходят только из определённой, иногда мимолетной ситуации. В биологическом смысле можно было бы говорить о постоянных условиях жизни, которым должно соответствовать постоянное приспособление, и минутных необходимостях жизни, на которые нужно реагировать специфическим приспособлением. Если мотивом становятся полезности первого рода, то перед нами тип предусмотрительности; во втором случае мы говорим о случайных целях.

Мотив предусмотрительности составляет одновременно неизменный мотив труда. Не требуется особенной живости духа, чтобы привычным способом доставлять средства удовлетворения наших привычных потребностей. Однако для этого требуется упорство, сила воли, порядок и экономность. Следовательно, эта группа добродетелей соответствует мотиву предусмотрительности. Напротив, мгновенная мотивация, возникающая вследствие того, что необходимо немедленно выбрать подходящие средства для появляющейся в данную минуту жизненной цели, требует выраженных практических дарований. Ту форму индивидуальной духовной приспособляемости (*Anpassungsfähigkeit*), которая умеет с лёгкостью находить пригодные причинные средства для достижения данных частных целей, мы называем благоразумием (*Klugheit*). Если она основана на созерцательно-наглядном постижении частного случая, то это интуитивное благоразумие приближается в большей степени к границе эстетического; если же, напротив, оно избирает свой путь через рассмотрение всеобщих практических правил причинности (технических правил) и способа их применения, то перед нами рефлектированное или рациональное благоразумие. Острота суждений, присутствие духа, изобретательский дар, решительность, ловкость – вот добродетели, относящиеся к этому типу мотивации. Очевидно, что совершенно различный духовный склад проявляется в том, что человек действует согласно всеобщим максима́м, которые его созерцательная мудрость

развила до степени своего рода систематики жизни, или же в том, что человек с практическим благоразумием в конкретном жизненном случае применяет те средства, которые приводят к цели именно здесь. Это различие мотивации относится прежде всего к интеллектуальному духовному складу. Но тот подлинно задающий направление действия мотив, который во втором случае руководит интеллектуальным отбором средств, есть мотив экономический: стремиться к тому, что в данной ситуации полезнее всего. Он может превратиться в центральную силу всего жизнеустройства. Об этическом достоинстве этого типа мы ещё не хотим говорить здесь. Во всяком случае, отнюдь не установлено, чтобы здесь перед нами была область ценностей, которая сама по себе совершенно не имеет никакого этического значения. Ибо сама цель сохранения жизни и иного жизненного приспособления есть некоторая специфическая ценность, свет которой падает на все те ценности полезностей, которые состоят на службе этой ценности. В силу этой их принадлежности к некоторой специфической ценности мы ведь и объединяем все эти ценности под названием утилитарных ценностей в узком смысле, т. е. первично-экономических ценностей. А никто не захочет оспаривать того обстоятельства, что, по крайней мере, в этосе хозяйственного труда заключается подлинно нравственный момент.

Человек, действующий по экономическим мотивам, стоит, очевидно, в гораздо более близком отношении к действительности, чем теоретик. Он также должен размышлять. Но в конце концов он всё же вмешивается в порядок вещей, устраивая его. Хозяйственный поступок создаётся не одним только безболезненным актом составления мысли; привязать мыслимое к действительному и через это соединение задержать его, превратив в действительность, – вот незнакомое духовным профессиям своеобразие коммерческой деятельности. Но только мотивы не обязательно должны всегда присутствовать в сознании действующего со всей полнотой категориальной ясности: в жизни это встречается редко, а у деятельных натур, может быть, и реже всего. Каждое решительно выраженное направление жизни действует со стихийной силой, поэтому оно может превратиться в своего рода гениальность, если в этом слове мы сделаем акцент на бессознательности действия. Экономический человек большого стиля тоже действует на свой лад потому, «что должен».

В. Зомбарт думает при этом о капиталистическом предпринимателе [10], но его положение имеет силу для экономического человека вообще. На примитивной стадии развития утилитарная тенденция действует с уверенностью инстинкта, на более высокой стадии она нередко превращается в такую сильную страсть, что принуждена бывает действовать безгранично. Совершенно отвлекаясь от того, что крупные предприниматели действуют часто не только по чисто экономическим, но по политическим или социальным мотивам, уже и абстрактно-экономическая тенденция во многих отношениях возвышается в область,

превосходящую простое стремление к личной пользе. Здесь словно бы становится демонической страстью идея полезного, идея приобретения благ. Только и в предприятии, имеющем надличное измерение, доход, рентабельность, прибыль остаются последней границей для нашего типа. Тот, кто выдерживает длительную работу себе в убыток, у того, может быть, есть для того свои особые мотивы: к экономическому типу он уже не относится. Однако справедливо и обратное. Порой предприятие выглядит так, словно бы оно, например, хотело быть продуктивным только на уровне народного хозяйства, и всё же за ним стоит интерес сугубо частного приобретательства⁷. Шпрангер прибавляет здесь отрывок из гамбургских предложений об усовершенствовании германской дипломатической службы (апрель 1918), в котором с полной ясностью высказано то, что нередко действует просто как невнятный мотив: «Что касается всеобщих директив для внешней торговли, то над всем здесь господствует мотив полезности. Наша внешняя торговля не хочет ничего навязывать, а хочет удовлетворять иностранные государства. Поэтому она по мере возможностей приспособливается к пожеланиям и потребностям других народов. Она делает это не с целью понравиться или чтобы произвести так называемые моральные завоевания, но для того, чтобы добиться своей пользы и найти себе постоянного хорошего покупателя» [18, с. 142].

Бережливость

Среди форм проявления хозяйственного типа Э. Шпрангер ставит на первое место одну противоположность: глубоко проникающее различие между людьми создаётся тем, производят ли они блага сами (пусть даже они только посредством увеличивающей их ценность обработки) или же они только потребляют. Первый тип имеет всё превосходство упорядоченной активности, второй несколько сконфуженно предстоит экономическому миру благ. В словах «работник» и «потребитель» уже звучит оттенок этического ценностного суждения, внешний характер которого, однако же, доказывается тем, что большинству людей достойной представляется только ручная работа или непосредственно направленная на заработок деятельность, тогда как употребление физической и душевной силы на создание духовных произведений они не считают полноценным трудом. Также и потребитель может в чисто экономическом отношении находиться в самых различных положениях. Если в его распоряжении имеется разнообразие благ, которые он просто потребляет без всякого производительного действия со своей стороны, то он

⁷ В. Зомбарт писал: «Как будто обувная фабрика, основанная на капиталистических началах, – это приспособление для производства обуви (а не прибыли)!».

приближается к границам экономического типа: в благоприятном случае потому, что он уже придаёт этой потребляющей жизни некую эстетическую черту, в другом же случае потому, что он вообще уже не стоит в духовном контексте, но, по слову Лютера, «их бог – их чрево», живёт только для тела.

Но если потребителю приходится сообразоваться с сильно ограниченной массой благ, то экономический принцип совершенно односторонне выступает в нём в сокращении потребления. Тогда возникает тип бережливого (*Sparerer*), всё содержание жизни которого ограничивается тем, чтобы усиленно сокращать издержки до минимального мыслимого уровня. Немало одиноких образованных женщин (а теперь также и мужчин) нашего времени изводят себя в этом мучительном, потому что, собственно, чисто отрицательном существовании. Как бы ни утешителен был вид производительно бережливого человека, непроизводительно бережливый живёт ради самой печальной аскезы, если только его аскеза не обретает черт благородства, направляясь к какой-нибудь цели из иной ценностной взаимосвязи.

Другие формы экономического типа возникают в силу различия экономических объектов, на которые обращена его деятельность. Едва ли какая другая сила накладывает на человека столь же отчётливую печать в зрелую эпоху его жизни, как его профессия. Земледелец всем своим духовным складом непохож на скотовода; ремесленник непохож на писаря, рыбак – на горняка. Природа словно бы отпечатывает на душах людей те особые условия, в которых они борются с нею за своё существование. Торговец занимает своеобразное место в экономической жизни, отчасти в силу многосторонности своих задач, отчасти – в силу той непроизводительной чёрточки, которая присуща торговле даже там, где она совершает вполне почтенную работу. Книгоиздатель, предназначение которого в том, чтобы переносить искусство и науку в контекст хозяйственной жизни, представляет весьма интересную смесь самых различных духовных мотивов, но в конце концов он должен всё-таки иметь фокус своего духа в экономической области. Эти хозяйственно обусловленные профессиональные типы искусство уже с давних пор сделало предметом психологического изображения. Разновидности купца классически описаны Густавом Фрейтагом в романе «Дебет и кредит»; крестьяне выступают перед нами у Песталоцци, Готтхельфа, Готфрида Келера и у таких поэтов, как Розеггер, Гансякоб, Френссен, Гангхофер⁸. Правда, ремесленник нашёл своих поэтов только тогда, когда он начал превращаться в социальную проблему. В новейшее время и вырастающая из политической экономии социология также начала изображать профессионально-психологические типы. Эта работа в науках о духе пока ещё соседствует безо всякой связи с психологией профессиональ-

⁸ Сравните с этим ещё раз дышащее одним лишь презрением описание трудящегося человека у Платона.

ной пригодности, которую следует причислить к психологии элементов и в которой ещё не осознаны в полной мере её методологические основания. Можно также вспомнить мастерское изображение крестьянских типов у Песталоцци.

С предметами хозяйственной деятельности тесно переплетаются её методы. Глубокие различия в форме экономического типа определяются тем, выступает ли он перед нами в контексте натурального хозяйства, денежного хозяйства или денежного кредитного хозяйства. На второй из стадий к этому прибавляется вся психология денег, этого по своему предназначению всецело сведённого к количественному измерению и произвольно заменимого в качественном отношении товара; с этим вместе начинается обширная патология экономического типа, на которой я в этом обзоре не могу останавливаться подробнее; достаточно сказать, что правильная оценка денег нередко оказывается не по силам даже характеру и уму выдающихся людей. На третьей стадии вступает в действие психология банкира и биржевого спекулянта. Основные черты экономического типа сохраняются в прежнем виде. Но место производительного труда в собственном смысле занимает теперь, в здоровом случае, рафинированный хозяйственный расчёт (весьма удачно названный, ввиду своего отвлечения от надёжной эмпирической основы, «спекуляцией»), а в народном и в мировом хозяйстве это совершенно неотъемлемо нужная функция. То, что рабочий был неспособен к её выполнению, было одной из главных причин неудачи запланированной в 1918 г. экономической революции. Однако на этой стадии умножаются также и симптомы болезни хозяйства: сомнительные биржевые сделки, непроизводительная азартная игра на бирже порождают такие хозяйственные человеческие типы, в которых совершенно исчезает одна из сторон хозяйства – производительное достижение. Эти люди, в рамках своих человеческих возможностей, стоят на границе того, что мы ещё можем называть духовным типом. Однако нельзя сказать, чтобы без них возможно было обойтись в совокупном механизме многосложного современного хозяйства. В этом проявляется всё то обездушивание жизни, к которому привело историческое развитие хозяйства, его нарастающий отрыв от отдельной человеческой воли и отдельной человеческой силы.

Переплетение форм становится ещё больше, если к предмету и методу хозяйства мы прибавим его объём. Конечно, нас интересует здесь только обратное воздействие этого фактора на психическую структуру. Совсем не одно и то же, одна ли корова у нас в хлеву или двести, обрабатываем ли мы одну десятину пашни или другие обрабатывают сотни десятин для нас; торгуем ли мы мылом в небольших объёмах или снабжаем машинами весь мир; обслуживаем ли мы вручную маленький ткацкий станок или регулируем только один рычаг в большой ткацкой машине. Гуманитарная психология должна была бы показать все те побочные психические воздействия, которые соответствуют этим формам

хозяйства. У нас есть первые подходы к психологии ремесленника в отличие от психологии фабричного рабочего. Конечно, эта психология охватывает не только изолированный хозяйственный мотив, но рассматривает этих людей также в общественном, политическом и религиозном контекстах. Здесь достаточно будет одного вырванного из предметного средоточия этой области замечания: между человеком и его делом возникает совершенно иное отношение, если он творит его как некое осмысленное целое, нежели когда он только механически создаёт части, которые ещё ничего не значат сами по себе. В этом различии словно бы повторяется на ступени хозяйства различие психологии элементов и структурной психологии. Психология, оставляющая совершенно без внимания смысловой каркас (*Sinngefuge*) жизни, могла бы возникнуть, может быть, только в такое время, в котором разделение труда до такой степени разложило бы сам этот смысловой каркас жизни, что отдельный человек (по крайней мере в хозяйственном отношении) уже не остаётся отныне причастным ему. Ибо одни, живые звенья фабричных машин, остаются ниже его, тогда как другие, руководящие массовым производством, опять-таки уже покинули всё более тонкие, индивидуальные отношения к хозяйственному товару. Уже в эпоху Руссо один только крестьянин казался цельным человеком, ибо он самой психической своей тотальностью ещё стоит близко к смыслу хозяйства, а тем самым и к одной существенной стороне жизни. Для него, как и для ремесленника, в его деле ещё заключена душа; этой душой он непосредственно обращается к потребителю. Но другие люди включены в процесс, который подчиняет себе природу в неслыханном прежде смысле, который, взятый как целое, утвердил над живым человеком господство, едва ли не более ужасное, чем господство над ним природы, всегда остающейся всё-таки его матерью.

Тем самым мы коснулись уже и последнего пункта, имеющего значение для классификации экономического типа, хотя сам этот пункт уже не чисто хозяйственного характера: общественной формы хозяйства. Если мы выделим здесь только самые известные и самые наглядные различия, то ясно, что человек домохозяйства стоит опять-таки в гораздо более непосредственном – и, может быть, намного более могущественном – отношении к совокупной экономической задаче жизни, нежели человек уже значительно расчленённого территориального хозяйства. Если затем народное хозяйство вплетается во взаимосвязь мирового хозяйства, вплоть до самой глубокой от него зависимости, то, даже человек, стоящий в этой огромной сети, чувствует себя в отношении к её целому как ученик чародея, над которым получили роковую власть те самые духи, которые первоначально призваны были служить ему. Вместе с этим нарастающим общественным переплетением сил поэтапно нарастает разделение труда. Однако тем самым в психическую структуру отдельного человека вмешивается нечто надындивидуальное, что

больше механизмирует, чем организует его. Мы более зависимы в хозяйственном отношении, чем какая бы то ни было прежняя эпоха истории. Наши разбуженные с ранних лет потребности уже неподвластны более нам самим. А средства для их удовлетворения ставят нас в зависимость от людей, которых мы никогда не видели, для которых мы как люди ничего не значим и которые как люди ничего не значат для нас. Тем самым, далее, хозяйство всё теснее вплетается в существующую систему права и власти, вплоть до того, что чистая форма хозяйства уже почти нигде больше не просвечивает в этом соединении. Между живыми людьми и хозяйственным процессом встали столь невероятно сложные объективные структуры, что сама простая структура личного хозяйства была до неузнаваемости преобразована ими. Как организованное человечество, мы господствуем над природой в неслыханных прежде масштабах, но вследствие того мы стали в то же время настолько зависимыми друг от друга, что никто из нас уже не стоит на собственных ногах. А, может быть, эта экономическая самостоятельность всё-таки в большей мере составляет необходимую черту полного человека, чем то богатство, которое обеспечивает нам охватывающая весь мир организация, а именно обеспечивает до тех пор, пока она ещё целесообразно функционирует.

Абсурд отдельного хозяйственного поведения

Есть также люди, в которых, кажется, совершенно умер хозяйственный смысл, однако не потому, чтобы в них получил господствующее значение некий другой мотив, скажем, социальный или эстетический, а потому, что они преувеличивают до абсурда один отдельно взятый момент хозяйственного поведения. Если экономическая область духа изначально и подлинно состоит в благоприятном балансе сил индивида по отношению к миру объективных благ и в их целесообразной переработке, то этот смысл не будет достигнут ни в случае, если расход сил будет расти беспредельно и выйдет за границы полезного результата, ни в случае, если сосредоточение сил будет настолько преувеличено, что до их полезного употребления дело вообще не дойдёт. На первом пути возникает мот, т. е. неэкономичный потребитель, на другой стороне возникает скупец – неэкономичный приобретатель и собиратель.

Обе эти формы жизни суть вырождения экономического типа, ибо их решающие ценностные переживания относятся к области хозяйства. Но в своём желании вполне и как бы без остатка насладиться принадлежащими к этой области ценностями они утрачивают истинный смысл экономической области, который всегда нужно искать только между верхним и нижним порогами. Следовательно, оба эти типа по своей истинной структуре суть не столько противоположности экономического человека, сколько, скорее, его безмерные преувеличения. Оттого, что

они хотят получить всё, у них ускользает из рук то, что составляет подлинный смысл их жизни. Но и им тоже знакомо блаженство – упоённое блаженство у самого края.

Речь идёт о демонической страсти идеи полезного, идее приобретения благ. Можно ли считать, что эта страсть оправданна? По мнению Шпрангера, она в своём предельном выражении приводит к обездушиванию жизни. Немецкий философ прослеживает этот процесс в историческом ракурсе. В эпоху Ж.-Ж. Руссо только один крестьянин мог рассматриваться как цельный человек. Его психическая жизнь в своей тотальности стоит близко к смыслу хозяйства. Однако в наши дни хозяйственная жизнь заметно усложнилась. Между живыми людьми и хозяйственным процессом обозначились некие объективные структуры.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Польза // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Председ. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2010. С. 277.
2. *Бетелл Т.* Собственность и процветание / Пер. с англ. Б. Пинскер. М.: ИРИСЭН, 2008. 474 с.
3. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008. 176 с.
4. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
5. *Гёте И.* Фауст. Часть первая. Сцена 1. Ночь / Пер. Н.А. Холодковского. [Электронный ресурс] URL: <http://librebook.me/faust/vol1/5> (дата обращения: 11.10.2017).
6. *Гуревич П.С.* Психологический анализ личности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011. 400 с.
7. *Гуревич П.С.* Рыночная ориентация // *Гуревич П.С.* Современный гуманитарный словарь-справочник. М.: АСТ, Олимп, 1999. С. 359.
8. *Гуревич П.С., Спирова Э.М.* В глубинных слоях психики: современные маргиналии к книге Эдуарда Шпрангера «Формы жизни. Гуманитарная психология и этика жизни» // *Анатомия философии: как работает текст* / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 793–814.
9. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 670 с.
10. *Зомбарт В.* Буржуа: этюды по истории развития экономического человека. Художественная промышленность и культура. М.: Терра-Книжный клуб, 2009. 576 с.
11. *Зомбарт В.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 342 с.
12. *Керимова Т.В.* Человек риска: социально-философские проблемы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 204 с.
13. *Оссовская М.* Рыцарь и Буржуа: Исследования по истории морали. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с польск. К. Душенко; общ. ред. А.А. Гусейнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.

14. *Палеев Р.Н.* Бизнес. Право. Мораль. М.: Канон+, 2016. 336 с.
15. *Спирова Э.М.* Философско-антропологическое содержание символа. М.: Канон+, 2012. 336 с.
16. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Назрань: АСТ, 1998. 566 с.
17. *Харари Юваль.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2017. С. 97.
18. *Шпрангер Э.* Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Пер. А.К. Судакова. М.: Канон+, 2014. 400 с.
19. *Эпитейн М.* Поэзия хозяйства // Независимая газета. 1992. 26 июня.

HORIZONS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Roman PALEEV

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.
Russian Academy of Advocacy and Notaries,
Malyi Poluyaroslavsky St. 3/5, Moscow 105120, Russian Federation;
e-mail: okspaleeva@gmail.com

VALUES OF THE ECONOMIC MAN

The article analyzes the character of an economic man represented in the work of the German philosopher and pedagogue Eduard Spranger. The author of the article tries to identify this type of a man through his dominant value system. Whom can we regard as an economic man? Probably someone involved in economic processes. No, such a definition is not enough. We all are more or less involved in the economy. But there are people who seem designed for such activities. Such people are few. Not all may be successful in business matters. Thus, economic man is a character, a certain set of traits, represented as a kind of unity.

It is known that philosophers have often sought to create one or another typology of personalities. Philosophers and historians have searched in humans traits of similarity and difference. The individual appears before us as he expresses himself: how he moves, how he loves and how he is jealous, what is his lifestyle, what are his needs, aspirations and goals, what are his ideals and how he shapes them, what values move him, what and how he performs and creates. There are many approaches to the division of people as bearers of character or type.

E. Spranger has noted that the task of our isolating and idealizing study must resolve twin challenges. First of all, it should distract from the special forms of economy depending on the state of culture. It cannot refer only to the agricultural sector, or craft and industry, as cannot refer only to subsistence farming, cash or credit economy, but it must consider the eternal economic motive as some constant function between the subject and the world of goods, even if the subject and the world of goods are variable. And secondly, we need to get distracted from those particular historical forms of society in which production, exchange and consumption take place. Isolation needs to

be implemented so strictly, as if a person could manage by himself, even if in reality people manage only in certain social and legal conditions. We believe, however, that a purely economic person as a part of the home or the urban economy, as a part of the national or world economy – in each case reveals the same spiritual type. And only this type is of interest to us here.

The inner world of a theoretical person we found not only in professional scientists: the inner world seems known to us as the peculiar structure of the soul, which can occur also outside of science. Exactly the same is the case: people who have described by us structure of value life is not necessarily the people earning themselves a living (Erwerbsmenschen). Rather, the main motive of usefulness may permeate various aspects of personality and dominate its overall structure even in those areas where, in fact, one would expect other settings right up to the decisive ethos of the entire human existence. On the contrary, those who constantly insist that the economic element is defining everything as human beings are not always natural-born utilitarians. For example, Marxists are mostly theorists or politicians: their theory does not fit with their own existence – the circumstance which could be used for critics of the economic awareness of history, if this awareness did not work with the psychology of the unconscious certainty which represents not a description, but purely constructive metaphysics.

Thus, the economic man in the most general sense is one who in every relation of life puts the value of utility in the first place. Everything turns to him into the means of preservation of life, the means of the natural struggle for existence and a nice arrangement of life. He is frugal in his use of substance, of power, of space, of time in order to extract the maximum of beneficial effects. We, the people of modern times, maybe, would call him the practical person, because the whole area of technology is similarly subordinated to economic criteria (as we will see below). But his value is not the depths of mentality that make decisions about the values, but completely external beneficial effects. The Greeks, therefore, would call him albeit “doing” (poiounta) but not “acting” (prattonta). The famous German philosopher, psychologist and educator Eduard Spranger tried to create a gallery of social characters. As a basic framework which allowed him to make a distinction between social types, Spranger took a spiritual setting that underlined a way of life. In the activities of a particular person prevails, as a rule, one of these settings. Highlighting the core values, which focus on the human behaviour and ultimately determine it, Spranger did not realize that in each of these areas there are people with the opposite mental qualities and characteristics. His principle in the article is characterized as rather abstract.

According to E. Spranger, the economic man is guided by the principle of “useful and enjoyable”. This distinguishes him from the theoretical person for whom it is important to distinguish “true or false”. Can spirituality be measured economically? The German researcher points to the spiritual meaning of labour. He notes that the economic man is found in two forms – as a producer and as

a consumer. More boldly the economic process is presented in person, which is engaged in the production in any direction to be able to consume in this or that direction. It clearly manifests a balance between the benefits and the losses of utility. The German scholar makes a distinction between production and consumption. But in economic life, another demarcation is possible. It belongs to Aristotle. He distinguished the economy and the chrematistics. The economy aimed at the satisfaction of needs and the chrematistics – at the profit.

Keywords: people, personality, character, typology, psyche, spirit, life, behaviour, mind, passions

References

1. Apressyan, R. "Pol'za" [Benefit], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy], Vol. 3, ed. by V. Stepin. Moscow: Mysl' Publ., 2010, pp. 277. (In Russian)
2. Bethell, T. *Sobstvennost' i protsvetanie* [The Noblest Triumph: Property and Prosperity Through the Ages], trans. by B. Pinsker. Moscow: IRISEN Publ., 2008. 474 pp. (In Russian)
3. Deleuze, G. & Guattari, F. *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Edipus. Capitalism and Schizophrenia], trans. by D. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007. 670 pp. (In Russian)
4. Epshtein, M. "Poeziya khozyaistva" [The Poetry of Economics], *Nezavisimaya gazeta*, 1992, 26 June. (In Russian)
5. Fromm, E. *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalyse & Ethik]. Moscow, Nazran: AST Publ., 1998. 566 pp.
6. Goethe, J. *Faust* [Faust], Vol. 1, trans. by N. Kholodkovsky [<http://librebook.me/faust/vol1/5>, accessed on 11.10.2017]. (In Russian)
7. Gurevich, P. & Spirova, E. "V glubinnykh sloyakh psikhiki: sovremennye marginalii k knige Eduarda Shprangera «Formy zhizni. Gumanitarnaya psikhologiya i etika zhizni» [In deep layers of the psyche" (Contemporary marginalia to the book E. Spranger "Forms of Life: Humanitarian Psychology and Personal Ethics")], *Anatomiya filosofii: kak rabotaet tekst* [The Anatomy of Philosophy: How a Text Works], ed. by Yu. Sineokaya. Moscow: YaSK Publ., 2016, pp. 793–814. (In Russian)
8. Gurevich, P. "Rynoch'naya orientatsiya" [Market orientation], in: P. Gurevich, *Sovremenniyi gumanitarniyi slovar'-spravochnik* [Modern Humanities Dictionary-Directory]. Moscow: AST Publ., Olimp Publ., 1999, p. 359. (In Russian)
9. Gurevich, P. *Psikhoanaliz lichnosti* [Psychoanalysis of the personality]. Moscow: Institute of Humanitarian Studies Publ., 2011. 400 pp. (In Russian)
10. Harari, Yuval Noah. *Sapiens: kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad, 2017. 520 pp. (In Russian)
11. Kerimova, T. *Chelovek riska: sotsial'no-filosofskie problemy* [Individual risk: social and philosophical issues]. Moscow: OLMA Media Grupp Publ., 2009. 204 pp. (In Russian)
12. Ossovskaya, M. *Rytsar' i Burzhua: Issledovaniya po istorii morali* [Knight and Bourgeois: Studies on the History of Morality], trans. K. Dushenko, ed. A.A. Guseinov. Moscow: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2017. 528 pp. (In Russian)

13. Paleev, R.N. *Biznes. Pravo. Moral'* [Business. Right. Morality]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 336 pp. (In Russian)
14. Sombart, W. *Burzhua: etyudy po istorii razvitiya ekonomicheskogo cheloveka; Khudozhestvennaya promyshlennost' i kul'tura* [Bourgeois: studies on the history of the development of the economic man; Art industry and culture]. Moscow: Terra-Knizhnyi Klub Publ., 2009. 576 pp. (In Russian)
15. Sombart, W. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2005. 342 pp. (In Russian)
16. Spirova, E. *Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola* [The philosophical-anthropological content of the symbol]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. 336 pp. (In Russian)
17. Spranger, E. *Formy zhizni: Gumanitarnaya psikhologiya i etika lichnosti* [Forms of Life: Humanitarian Psychology and Personal Ethics], trans. by A. Sudakov. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 400 pp. (In Russian)
18. Wallerstein, I. *Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism. Capitalist civilization]. Moscow: KMK Publ., 2008. 176 pp. (In Russian)
19. Weber, M. *Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected works: Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 648 pp. (In Russian)